

Litera

Правильная ссылка на статью:

Клименко И.В. Эстетические функции клише в неоромантических рассказах А. Грина // Litera. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.5.74581 EDN: ODOHGW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74581

Эстетические функции клише в неоромантических рассказах А. Грина

Клименко Ирина Владимировна

ORCID: 0000-0003-4393-4527

аспирант, кафедра теории литературы, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ klim.irishka4797@rambler.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.5.74581

EDN:

ODOHGW

Дата направления статьи в редакцию:

18-05-2025

Дата публикации:

25-05-2025

Аннотация: Предметом исследования являются клише, внедряемые А. Грином в неоромантических рассказах в качестве способа диалога с романтической и романтико-приключенческой традициями. Объектом исследования выступают произведения «Сто верст по реке», «Табу», «Окно в лесу», «Всадник без головы (Рукопись XVIII столетия)». Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как художественный потенциал клишированных элементов и их функции на повествовательном уровне и уровне внутренней композиции в неоромантическом произведении в качестве одной из форм проявления аллюзивности. Раскрываются способы вторичной художественной обработки клише, в основе которой лежит деконструкция: остранение, отказ от автоматического воспроизведения. Рассматривается актуализируемая внедрением клишированных компонентов роль имплицитного читателя, точка зрения которого полноценно участвует в построении композиции. С опорой на структурный и

диалогический методы проводится анализ текста рассказов в попытке сопоставить конститутивные особенности классической аллюзии и литературных клише и применить к анализу последних принципы неоромантической поэтики. На базе эксплицитного эстетического контакта с внетекстовой действительностью в неоромантических рассказах А. Грина раскрывается художественный потенциал клише: их внедрение выступает способом диалога с литературными традициями и читательской аудиторией. Подвергая клише деконструкции за счет остранения (элементы осознаются персонажами рассказов как клишированные, «книжные»), помещения их в несвойственный апеллируемой традиции контекст, стущения (выстраивания рядов), писатель втягивает читателя в диалог-игру не на распознавание присутствия клише, как это происходит с классической аллюзией, а на обнаружение их вторичной художественной обработки. Актуализируя таким образом диалогическое начало, клише начинают функционировать как прием: усложняют повествовательный уровень, привлекая стилистические особенности той или иной литературной традиции, а также выступают формообразующим элементом на уровне композиции, создавая систему из внутренних и внешних по отношению к произведению точек зрения – персонажей, имплицитного автора и имплицитного читателя. Исследование обладает определенной новизной, так как раскрывает теоретические принципы внедрения клише, редко рассматриваемых с позиции компонента поэтики, как художественного приема, а также подчеркивает необходимость учета точки зрения имплицитного читателя при анализе клишированных элементов в неоромантических рассказах А. Грина, обосновывающей наличие их художественной обработки.

Ключевые слова:

клише, аллюзивность, диалог, неоромантический рассказ, Александр Грин, точка зрения, пафос, имплицитный читатель, деконструкция, композиция

Характерной особенностью поэтики прозы А. Грина является использование писателем аллюзий, реминисценций и цитат, внедряемых на разных уровнях текстового пространства (стилистическом, сюжетном, композиционном) с различной степенью проявленности, привлечение им широкого спектра литературных явлений с целью открытого диалога с литературными традициями и, соответственно, аллюзивность как один из доминирующих конститутивных художественных принципов.

Говоря об этом свойстве гриновской поэтики, исследователи выделяют на уровне формы несколько источников аллюзивной динамики.

В.А. Романенко [1] рассматривает творческое наследие писателя в рамках системы литературных сближений, формируемой «предтекстами», к которым апеллируют произведения А. Грина, а также «посттекстами», реализующими аллюзии к самой гриновской поэтике в позднейшие периоды.

Аллюзивность выступает в творчестве А. Грина одним из способов «философско-поэтической типизации» [2, с. 125], которая в ряде случаев может принимать на идеино-тематическом уровне концентрированную форму концептуальных отсылок к существующим философским системам, таким как русский космизм [3].

Апелляция в отдельно взятой художественной единице к иным самодостаточным – обладающим характерными чертами, замкнутым – образным системам (а такими системами нередко выступают сами гриновские произведения) преобразует творческое

наследие А. Грина в «сверхтекстовое единство» [4], интертекстуальные связи внутри которого реализуются в том числе посредством автоаллюзий, паратекстуальных автоцитаций, автопересказа и автореминисценций [4, с. 74].

Как представляется, выстраиваемый А. Грином автодиалог в рамках художественной парадигмы писателя выступает наивысшей формой художественного обобщения. В данном контексте понятие парадигмы особенно актуально, так как подчеркивает соотношение текста и внеtekстовой действительности, а также «способы эстетического контакта» [5, с. 146] между ними, на базе чего, с нашей точки зрения, в гриновской малой прозе происходит функционирование клише как одной из форм проявления аллюзивности.

Несмотря на то, что в рамках индивидуально-авторского типа художественного сознания [6] формульность, воспроизводимость застывших форм не позволяют им обеспечивать «сдвиг парадигмы» [7, с. 456], являющийся одним из определяющих критериев художественности, клише выполняют функции фиксации «функционально убедительных» [7, с. 455] мест парадигмы и установления атрибутивности произведения по отношению к ней, которые парадоксальным образом оказываются значимыми при определении индивидуальности авторского голоса и места его произведений в общем художественном массиве.

В этой связи представляется необходимым обозначить как еще одну функциональную роль клише провоцирование ими «тревоги авторства» (the anxiety of authorship [8]).

Гипотеза о перманентной конфронтации писателя с предшественниками в попытке несмотря на их неизбежное влияние обрести собственный голос первоначально была оформлена в работе Г. Блума. Исследователь использует понятие «тревога влияния» (the anxiety of influence [9]), обозначая им авторскую тревогу обнаружения в произведении явного следа предшественников, то есть вторичности.

Впоследствии С. Губар и С. Гилберт применили идею Г. Блума в области гендерных исследований: введенное ими понятие «тревога авторства» (the anxiety of authorship) демонстрирует потребность в обозначении авторской оригинальности, неотрывно связанную с фундаментальной необходимостью установления художественной генеалогии (в частности, преемственности в ряду писателей-женщин).

Таким образом, как представляется, в понятии «тревога авторства» заложена положительная коннотация. Оно обозначает не только установку на избежание художником вторичности, но и его устремленность обнаружить себя внутри традиции, обнажить генеалогию, так как только в рамках нее возможна наиболее успешная интерпретация авторского замысла.

Исходя из этого, клише актуализирует мысль о литературных предшественниках, то есть подчеркивает встроенность в ту или иную систему.

Чувствительность к клише, а что важнее — к пафосу, который ими вводится, необходима не только с точки зрения оценки художественности. Как представляется, их очевидная принадлежность к определенной парадигме может быть сознательно использована писателем с целью выстраивания диалога с этой традицией, что, безусловно, предполагает художественную обработку клише. Таким образом, эстетический потенциал последних возможно выявить в системе, включающей в качестве еще одного компонента аллюзию в ее классической презентации. Художественность клише заключается не в

узнаваемости, как в случае с аллюзией, так как они и при отсутствии какой-либо сознательной авторской установки считаются воспринимающим благодаря своей устойчивой форме, а в распознавании наличия их вторичной обработки. Как представляется, классическая аллюзия двунаправлена и развертывается одновременно в сторону уже реализованного контекста и в сторону контекста актуального, в то время как клише однонаправлено и развертывается только в сторону традиции. Художественно обработанное клише же вторично получает возможность апеллировать к контексту, отвечающему на актуальный авторский запрос. Таким образом, если форма классической аллюзии создается однократно «здесь и сейчас», то изначально устойчивая, повторяемая форма клише в процессе приобретения эстетических функций, наоборот, разрушается.

Обозначенная ранее саморефлексивность А. Грина, характеризующая его как представителя русского неоромантизма [\[10\]](#), позволяет рассмотреть эту особенность реализации клише в контексте неоромантической поэтики, что, в свою очередь, открывает возможность подтверждения их художественного потенциала.

Неоромантизм в процессе познания себя и злободневной современности активно обращается к устойчивым античным и средневековым архетипам, образам и мотивам [\[11\]](#). В частности, Г. фон Гофмансталь, творчество которого лежит у истоков формирования неоромантических принципов художественности, применяет актуализацию, «неврастенизацию» [\[12, с. 24\]](#) античных сюжетов.

Как представляется, в ходе этого процесса эстетическая, семиотическая и содержательная новизна выступают на первый план за счет того, что отсутствует установка замаскировать омертвевший, но твердо сформированный с течением времени античный фундамент. Напротив, у Г. фон Гофманстала обнаруживается открытая двойная апелляция — к античным образам и сюжетам и к непрестанно обновляющейся современности, для осмыслиния которой и необходим устойчивый, веками отшлифованный базис.

Чтобы такая структура приема или отдельно взятого образа функционировала успешно, должна быть обеспечена считываемость читателем «античного» компонента. Если часть этой структуры, апеллирующая к современности, актуализирует проблемность и в целом обосновывает причину внедрения приема/образа, то узнаваемая часть задает направление для его интерпретации.

С нашей точки зрения, в неоромантической малой прозе А. Грина аналогично применяются клише, выступающие в качестве маркеров тех или иных литературных традиций, в особенности романтической и романтико-приключенческой. Аналогия возможна за счет того, что клише в качестве потенциального базиса описанной выше двучастной структуры так же, как античный компонент, обладает устойчивостью формы и транслируемого пафоса.

Отметим, что, как представляется, наиболее широким спектром художественных функций обладают те клише, которые оказывают влияние на композицию гриновских рассказов: сюжетные; клише в системе персонажей; клише, характеризующие взаимодействие героев с ситуацией, — то есть те, которые вышли за пределы уровня повествования. Иными словами, используя разграничение, описанное в исследовании А. Хаберера [\[13, с. 143\]](#), в произведениях А. Грина художественно обыгрываются «стереотипы», а не собственно клише, понимаемые в узком смысле как явления речевого плана.

Таким образом, клишированностью обладают привлекаемые концепты, представляющие собой узнаваемое единство плана содержания и плана выражения, источником которых являются те или иные литературные традиции.

Так, в рассказе «Сто верст по реке» образ главного героя аккумулирует концепты, прочно ассоциирующиеся с поэтикой высокого романтизма:

«Прежде всего нужно быть одиноким. Думая, что прекрасно изучил людей (а женщин в особенности), Нок, разгорячившись, решил, <...> встретить конец дней возвышенной грустью мудреца, знающего все земные тщеты. Не так ли увенчанный славой и сединами доктор обходит палату безнадежно-больных <...>? "Да, да, — говорит бодрый вид доктора, — конечно, вы находитесь здесь по недоразумению и все вообще обстоит прекрасно"... Однако, доктор не дурак: он видит все язвы, все сокрушения, принесенные недугом, и мало думает о больных. <...> Они ему не компания».

Реализованные концепты гордого одиночества, грусти, тайного знания, отрешенности от человеческого общества и от земных страстей не привязаны к деталям художественного мира рассказа, они возникают за счет внедрения маркированной лексики, которая в своей совокупности создает узнаваемый романтический ореол.

Тот же принцип применен в рассказе «Окно в лесу». В нем использованы устойчивые характеристики идиллического быта, картины которого возникают в сознании главного героя: «соблазнительные картины отдыха и горячих кушаний в кругу мирной, трудолюбивой семьи».

Примечательно, что писатель, вводя указанный отрывок, предварительно эксплицитно подчеркивает наличие в нем клише: «Десятки виденных раньше,очных, полных заманчивого уюта, окон всплыли в его воображении». При этом происходит усложнение композиции, так как автономными оказываются как минимум три активно действующих сознания: сознание героя-охотника, довлеющее над всем повествованием и являющееся транслятором тех компонентов, клишированность которых с точки зрения внедряемого пафоса распознается при актуализации сознания имплицитного автора, а также апелляции к сознанию имплицитного читателя. Только принимая во внимание наличие двух самодостаточных и обладающих в повествовании значимыми ролями сознаний, внешних по отношению к герою, возможно обнаружить, что привлечение обозначенных клише носит характер приема и, собственно, обеспечивает их дополнительную художественную обработку. Имплицитный автор апеллирует к читательскому опыту и способности воспринимающего распознать несоответствие вводимого благодаря клише идиллического пафоса тотальному трагическому разочарованию как результату духовных поисков героя, представленных в образах блуждания «в сумрачном лесу». Указанное несоответствие раскрывает комический потенциал клишированных элементов, расширяя его до экзистенциальной иронии, реализация которой, заданная на уровне стилистических клише, оказывается неразрывно связана также с внутренней композицией (сама возможность подобной связи подтверждается, в частности, в исследовании Л.В. Чернец [14, с. 72]).

Другой способ внедрения клише, напротив, ориентирован не на план повествования, а на внутренний мир произведения. Так, в рассказах «Табу» и «Птица Кам-Бу» соседствуют остров, корабль, кораблекрушение, белый человек, дикиари, плен, побег; в рассказе «Всадник без головы (Рукопись XVIII столетия)» — конь, доспехи, палаш, невинная дева. При этом характерным приемом становится создание рядов клише:

«туман, риф, пробоина, град проклятий, охрипшие голоса, шлюпки и неизменный, одиноко тонущий капитан» — в «Табу»;

«Когда я ехал, звенело все: набедренники, латы, палаш и каска, а шпоры жужжали, как майский жук. У меня огрубел голос, выросли усы, и я очень гордился своей службой...» — во «Всаднике без головы...».

Таким образом, пародийный эффект возникает за счет «сгущения клишированных сюжетных элементов» [\[15, с. 51\]](#).

Клишированным в данном случае оказывается не план выражения, а означаемые, обладающие определенными литературными коннотациями и, соответственно, рождающие в сознании читателя ассоциации с целыми литературными рядами.

Вместе с тем отметим, что в рассказах А. Грина клише, выступающие маркерами художественных традиций, с которыми ведется диалог, оказываются помещены в несвойственный им контекст и соседствуют с нехарактерными для традиции деталями.

В частности, в рассказе «Табу» при намеченной сюжетно-композиционной структуре классического приключения изображаемый мир наполняется под влиянием восприятия героя такими элементами, которые в концентрированном виде не встречаются в приключенческом сюжете: рыбная и чесночная вонь, описывающая дикарей, — деталь, стилистически не соответствующая, как правило, героическому модусу приключения, равно как и «Хабанера» Ж. Бизе выделяется инородностью по отношению к литературному сюжету о кораблекрушении в его узнаваемой канонической форме.

Нарушение устойчивости клише происходит и на уровне отдельных эпизодов:

«Капитан, честный, как большинство из них, стоял у трубы, скрестив на груди руки. <...> ему, конечно, страшно хотелось жить, но положение обязывает — приходилось идти ко дну. Однако, постояв еще минуту-другую и, видимо, волнуясь все более, капитан, <...> бултыкнулся в воду и поплыл к ближайшей шлюпке, где его, мокрого, втащили на борт...».

В знакомой читателю клишированной ситуации «капитан идет ко дну вместе с кораблем» персонаж рассказа нарушает традицию и, как следствие, осуществляет деконструкцию клише. Возникает эффект обманутого ожидания. Примечательно, что все участники эпизода, а также имплицитный читатель знают о существовании этого клише, и это знание выражено эксплицитно, что также способствует деконструкции, так как устойчивая формула подвергается осмыслению и остранению.

Таким образом, процесс деконструкции клише в рассказах А. Грина может протекать на уровне повествования (в «Ста верстах по реке» коннотативно клишированный внутренний монолог главного героя, стилистически отсылающий к традиции романтизма, соседствует с контекстно противопоставленными ему описаниями быта), на уровне сюжета (эпизод с капитаном в рассказе «Табу») и на уровне деталей внутреннего мира.

Как представляется, все вышеописанное демонстрирует, что использование клише может носить характер приема. Клише указывают на маркованность/немаркованность точек зрения, становятся источниками иронического эффекта, что, отметим, не всегда связано с комичностью, а, скорее, свидетельствует о наличии нескольких оценок одного и того же явления, участвуют в формировании композиционной структуры.

Клишированные элементы открывают диалог с литературными традициями, в частности

романтической и романтико-приключенческой, а также выстраивают диалог-игру [16, с. 354] с читателем, апеллируя к определенному уровню его читательской компетентности, тем самым расширяя диапазон интерпретации произведения, и встраивая во внутреннюю композиционную структуру точку зрения имплицитного читателя в качестве эстетически значимого формообразующего компонента.

Художественность клише проявляется не в узнаваемости, как в случае с аллюзией, а в считываемости их дополнительной обработки, в противном случае они бы перестали функционировать как прием. Сгущение коннотативных, концептуальных клише, помещение их в нехарактерное для пародируемой традиции окружение, а также обнажение клише за счет распознавания их самими персонажами ведет к деконструкции, что в малой прозе А. Грина становится главным способом демонстрации их художественного потенциала.

Библиография

1. Романенко В.А. Предтексты и посттексты: на материале прозы А.С. Грина // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 2. С. 514-523. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-2-514-523. EDN: MWIDCB.
2. Загвоздкина Т.Е. Романтическая мифологизация в творчестве А. Грина (от новеллы к роману) // Малые жанры в русской и советской литературе. Киров, 1986. С. 120-134.
3. Ключерова А.О. Интертекстуальная функция метафоры в прозе А.С. Грина // Журнал филологических исследований. 2016. № 2. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/14240/view#article-info>. EDN: YHOCQB.
4. Парамонова Т.А. Проза А.С. Грина как сверхтекстовое единство: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / Самара, 2009. 267 с. EDN: QEHBMT.
5. Лидергос Н.В. Художественная парадигма романов Кребийона-сына // Гуманитарные науки. Литературоведение. 2009. № 7. С. 145-149.
6. Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. Сб. статей. М: Наследие, 1994. С. 3-38. EDN: ZVCJUH.
7. Stark R.J. Clichés and Composition Theory. JAC. 1999. Vol. 19, no. 3. P. 453-464.
8. Gilbert S.M. The Madwoman in the Attic: The Woman Writer and the Nineteenth-Century Literary Imagination / S.M. Gilbert, S. Gubar. London: Yale University Press, 2000. 719 p.
9. Bloom H. The Anxiety of Influence: A Theory of Poetry. New York: Oxford University Press, 1973. 157 p.
10. Зусева-Озкан В.Б. Неоромантизм. Россия / Словарь течений литературы XX века. Россия, Европа, Америка. В двух книгах. Книга первая: А-О / отв. ред. А.Ф. Кофман; редакторы: Е.Д. Гальцова, Ю.Н. Гирин, В.Б. Зусева-Озкан, Т.В. Кудрявцева, О.Ю. Панова, О.И. Половинкина, И.А. Эбаноидзе. М.: ИМЛИ РАН, Рекавремен, 2023. С. 770-771. EDN: NMXPIQ.
11. Васильева И.В. Феномен неоромантизма в художественной культуре России XX в.: диссертация ... кандидата культурологии: 24.00.01. Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2011. 190 с. EDN: QFJCNJ.
12. Архипов Ю. Гуго фон Гофмансталь: поэзия и жизнь на рубеже веков / Г. фон Гофмансталь. Избранное. М.: Искусство, 1995. С. 6-43.
13. Haberer A.A. Defence of the Cliché. Journal of English Studies. 2008. № 5-6. P. 139-154.
14. Чернец Л.В. Ирония как стилистический прием // Русская словесность. 2001. № 5. С. 69-72.
15. Печерская Т.И. Сюжетные клише романов о «новых людях» в контексте журнальной

- полемики 1860-1870-х годов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. № 6. С. 45-53. DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-6-45-53. EDN: AAVKQJ.
16. Дзюба Е.В., Рябова И.Ю. Категория дискурсивной диалогичности как реализация жанрового потенциала романа // Жанры речи. 2023. № 4 (40). С. 349-357. DOI: 10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-349-357. EDN: DCZDVU.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье выступают эстетические функции клише в неоромантических рассказах А. Грина. Актуальность работы обусловлена интересом научного сообщества как к идиостилю Александра Грина («характерной особенностью поэтики прозы А. Грина является использование писателем аллюзий, реминисценций и цитат, внедряемых на разных уровнях текстового пространства (стилистическом, сюжетном, композиционном) с различной степенью проявленности, привлечение им широкого спектра литературных явлений с целью открытого диалога с литературными традициями и, соответственно, аллюзивность как один из доминирующих конститutивных художественных принципов»), так и к феномену клише («клише указывают на маркированность/ немаркированность точек зрения, становятся источниками иронического эффекта, что... скорее, свидетельствует о наличии нескольких оценок одного и того же явления, участвуют в формировании композиционной структуры»).

Теоретической основой работы выступили труды таких отечественных и зарубежных исследователей, как А. О. Ключерова, Т. А. Парамонова, В. Б. Зусева-Озкан, И. В. Васильева, Т. И. Печерская, Н. Bloom, S. M. Gilbert, S. Gubar, A. A. Haberer, R. J. Stark и др., посвященные неороманизму в художественной культуре России XX века; поэтике в смене литературных эпох; различным аспектам клише; прозе А.С. Грина как сверхтекстовому единству; предтекстам и посттекстам прозы А.С. Грина. Библиография насчитывает 16 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методология исследования определена поставленной целью и задачами и носит комплексный характер. В ее основе обоснованно лежат общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод с элементами наблюдения, обобщения, интерпретации, метод контекстуального анализа, методы дискурсивного и когнитивного анализа.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования подробно рассматривается функционирование клише в творчестве писателя («в рассказах А. Грина клише, выступающие маркерами художественных традиций, с которыми ведется диалог, оказываются помещены в не свойственный им контекст и соседствуют с нехарактерными для традиции деталями», «процесс деконструкции клише в рассказах А. Грина может протекать на уровне повествования, на уровне сюжета и на уровне деталей внутреннего мира»), что позволяет автору(ам) прийти к обоснованным выводам о том, что «сгущение коннотативных, концептуальных клише, помещение их в нехарактерное для пародируемой традиции окружение, а также обнажение клише за счет распознавания их самими персонажами ведет к деконструкции, что в малой прозе А. Грина становится главным способом демонстрации их художественного потенциала» и др.

Теоретическая значимость работы заключается в описании и изучении эстетических функций клише в неоромантических рассказах А. Грина. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по теории литературы; стилистике художественной речи; в спецкурсах, посвященных творчеству и идиостилю Александра Грина и др.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».